КОЛДУНЬЯ ГРЕТА

По мотивам преданий приволжских немцев.

Известно, что аресты, пытки и казни несчастных, преимущественно женщин, которых подозревали в колдовстве и в связях с нечистой силой и самим дьяволом, были широко распространены в средневековой Европе. Кто не слышал, к примеру, о происках иезуитов и жестокостях инквизиции? Более того, различные формы преследования ведьм и ведьмаков имели место вплоть до нашего времени.

В Германии по обвинению в колдовстве было казнено около 60 тысяч человек, преимущественно молодых женщин. Так, 19-го августа 1738 года в последнем процессе над ведьмами на Нижнем Рейне по обвинению в «колдовстве и разврате с дьяволом» была казнена 14-летняя Елена Куртенс (Helena Curtens), а также Агнесса Ольманс (Agnes Olmans), мать трёх детей.

Не удивительно поэтому, что названные события нашли свое отражение в немецкой литературе. Сам «царь поэтов» И.В. Гёте в своей гениальной трагедии «Фауст» посвятил «нечистой силе» целую сцену, а именно «Вальпургиеву ночь», ср., например, «Хор ведьм»:

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан[1] вверху сидит:
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом,-
И вонь и гром стоят кругом.

Да что там «Хор ведьм», вся трагедия вращается вокруг пакта д-ра Фауста с Мефистофелем, демоном или даже подручным Сатаны. Не говоря уже о том, что в трагедии красной нитью проходит актуальная во все времена спорная тема взаимоотношений человека с высшими силами.

Еще раньше, в XVII-м веке, Иоганн Якоб Кристофель Гриммельсхаузен изобразил ведьм в своем «плутовском» романе «Похождения Симплициссимуса». Главный герой романа Симплиций встречается с настоящими привидениями, подслушивает ведьм перед их «отлетом» к Блоксбергу. И подобные примеры можно было бы, конечно, приумножить.

Понятно, что трагические события и мракобесие средневековой Европы в той или иной форме отложились в народной памяти и до настоящего времени полностью не изжиты. Многое из названного мистического багажа наши предки во второй половине XVIII-го века привезли с собой в Россию. В Поволжье даже возникла разновидность

---

[1] *Одно из немецких названий черта.*

легенды о д-ре Фаусте, которую поэт К. Юнгман записал и назвал «Eisenhut», а автор этих строк пересказал в своей книге «Stimmen aus dem Abgrund». О поэте К. Юнгмане известно мало, хотя названное произведение в 1929 г. было напечатано в журнале «Wolgadeutsches Schulblatt».

Я надеюсь, что сказанное облегчит понимание данного рассказа, в основу которого положена судьба женщины из моего родного села. Её звали Грета. Она была знахаркой или, как сейчас чаще говорят, целительницей. В нашем селе она была приезжей и люди о ней знали мало. Я, конечно, не берусь определить уровень её медицинских знаний, но говорили, что она многому научилась у своей матери, которая также была целительницей. Во всяком случае, какими-то медицинскими знаниями и навыками Грета, безусловно, обладала. Ибо не было такого вывиха, который она не могла бы „вправить“. Она также разбиралась в лечебных травах, которые сама же собирала и сушила, могла правильно наложить шину, если у кого-либо случался перелом, помогала женщинам при родах. Кроме того, были у неё еще какие-то толстые иллюстрированные книги на немецком языке, которые она постоянно читала.

Грета была безотказной и в любое время суток была готова придти на помощь страждущим, особенно если это касалось болящих детей и женщин. Денег за свои услуги она не брала, люди приносили ей, кто что сможет: курицу или утку, круг колбасы, кусок сыра, свежую рыбу. Но людская молва бывает очень жестокой. Недаром говорят, что с приговорами суда можно бороться, а с приговорами молвы – никогда. Дело в том, что по селу ползли слухи, будто Грета связана с нечистой силой, а, возможно, и с самим дьяволом... Вот так – обращались за помощью и одновременно боялись и сплетничали...

Будучи школьником, я, конечно, тоже слышал о ней, но видел её только издалека. И вот как-то зимой, когда начался очередной буран и страшно было даже выйти на улицу, мой младший братик, который недавно появился на свет, начал реветь так, что заглушал даже вой вьюги в печной трубе. Продолжалось это всю ночь и не закончилось и утром. И тогда наша измученная бессонной ночью мама дала старшему брату круг колбасы и банку сметаны и послала за Гретой. Это было для нас событием. С замиранием сердца ждали мы за занавеской, которая закрывала вход в «большую комнату», появления Греты, о которой до этого слышали жуткие и страшные истории.

Во дворе под чьими-то шагами захрустел снег. Мы с братом бесшумными тенями метнулись к окну, за которым в утренних сумерках появился силуэт Греты. Она была в белом полушубке, белых валенках и

пуховом платке. Подойдя к входной двери, Грета остановилась. Наш отважный красный пёс по кличке Комиссар метнулся было к ней, но, не добежав, завилял хвостом и остановился. Мы с братом многозначительно переглянулись...

Грета вошла в дом, сняла полушубок и платок. Это была не старая еще, стройная и на вид аккуратная, рыжеволосая, как положено ведьме, женщина с огромными грустными глазами.

Буран немного стих, но наш младший братик по-прежнему ревел, хотя силёнок у него, как будто, поубавилось, и он делал паузы в которых только всхлипывал.

Грета поздоровалась, мама ответила и добродушно добавила:
- Вы же нас не заколдуете?

И тут произошло неожиданное. Грета закрыла лицо руками и зарыдала, негромко, но так утробно и горько, что это не заглушал даже плач ребёнка. Мамина шутка была явно неудачной. Я вспомнил, что как-то, когда мама месила тесто, спросил у неё:
- А почему Грету называют ведьмой?
Мама вытерла руки, внимательно посмотрела на меня и сказала:
- Красивая она была, сынок, завидуют таким. И Грете завидовали, хотя от неё и муж ушел.
- А почему он ушел?
- А кто ж его знает. Ушел и след простыл. И осталась Грета одна с детьми, вот и мелют люди всякое...

Но вот сейчас мама явно попала впросак. Нам стало жаль Грету, но маму, конечно, было жаль еще больше. Мы даже забыли о ревущем братике.

Мама подошла к Грете, обняла её и стала успокаивать. Грета сквозь слёзы как-то обреченно и жалобно сказала:
- Неужели и Вы верите в эту чепуху. Я думала, что хотя бы у Вас найду понимание. Господи, куда же мне еще деваться?
- Да успокойтесь Вы, никто же в наше время в ведьм и нечистую силу не верит кроме детей.

Грета постепенно успокаивалась. Но хотя нам и было её жаль, мы всё-таки не сомневались в том, что она была ведьмой. Ведь это было известно всему селу. Мама просто не знала того, что было известно нам.

Между тем Грета подошла к нашему братику, который уже только жалко всхлипывал. Она что-то пробормотала вполголоса и попросила принести свечу и чашу с водой, затем зажгла свечу, капнула немного расплавленного воска в воду и ребёнок вдруг затих. Грета опять что-то забормотала и потом сказала:

— Ребёнка напугала собака. Он больше не будет плакать. Затем она оделась и ушла. Малыш еще какое-то время изредка всхлипывал, затем затих и уснул.

Позже мама рассказала нам, что расплавленный воск, который капал из свечи, застывая на поверхности воды, образовал контур, напоминающий морду собаки... Мама попросила нас не рассказывать об этом никому:

— И так про бедную женщину много болтают. Свяжут и это с нечистой силой. Не подливайте масла в огонь. Масла в огонь мы подливать не стали, но вера в то, что Грета колдунья, продолжала в нас жить непоколебимо.

После этого случая Грета частенько заходила к нам просто так, поговорить с мамой, которая вечно хлопотала по хозяйству или сидела за прялкой. И хотя наш Комиссар на неё даже не лаял, мы с братом на всякий случай посадили его на цепь, тем более, что он мог опять напугать нашего малыша. Комиссар был практически почти членом нашей семьи, а кличку свою получил, благодаря нашему дедушке, который был глубоко верующим лютеранином и именно поэтому в ведьм и ведьмаков, колдуний и колдунов, а также в привидения и заговоры не верил. Нечистой силой он считал советскую власть, со всеми её атрибутами – комиссарами, продразвёрсткой, раскулачиванием, коллективизацией и т.д. Тем более, что все нововведения этой власти были, как правило, связаны с грабежами и насилием. Возглавляли мероприятия новой власти обычно красные комиссары. Поэтому дед поговаривал:

— Все комиссары грабят, один наш добро охраняет...

Он вообще был горазд на клички. Нашего борова, например, он даже хотел назвать Сталин. Но это было уже слишком. Папа решительно воспротивился этому. Тогда дед пошел на компромисс и назвал хряка Каганович. С этим спорить было трудно. Позже я узнал, что Лазарь Каганович родился в деревне Кабаны и что даже его соратники с учетом его повадок называли его втихомолку Кабаном.

В нашем селе, которое в старину называлось колонией, клички вообще играли важную роль. Дело в том, что по разным причинам, но, прежде всего, из-за малоземелья, «иногородних» у нас практически не было. Поэтому в течение почти двухсот лет в селе расплодилось очень много однофамильцев. И чтобы как-то ориентироваться в этом сонмище одинаковых фамилий, люди награждали друг друга кличками, которые потом автоматически закреплялись за их детьми. Надо ли говорить о том, что кличкой нашей Греты была, конечно же, Ведьма. Что касается домашних животных, то в немецких сёлах Поволжья они почти поголовно

носили русские имена. С этой традицией было связано много забавных случаев.

Это было уже в послевоенное время. Один из моих дядей работал в нашей МТС кузнецом. У них там в фойе висело два портрета в полный рост – товарищ Ленин и товарищ Сталин. Портреты принадлежали кисти местного живописца по прозвищу Мольберт. Мольберт имел соответствующую лицензию, которая позволяла ему воспроизводить лики слуг народа и героев Отечественной войны, чем он несказанно гордился. Говорят что Мольберта как-то спросили, имеет ли он право рисовать Гитлера, он ведь тоже был участником Великой Отечественной войны...

Во время одного из перекуров в рабочий день мой дядя, раскуривая свою трубку и задумчиво рассматривая лики двух вождей в фойе МТС, заметил:

— Боюсь, что товарищ Сталин в своих сапогах зайдёт в грязь гораздо дальше, чем товарищ Ленин в своих ботинках. Самый справедливый в мире пролетарский суд оценил эту сентенцию в десять лет лагерей без права переписки. При этом народные судьи еще не знали, что дядя назвал свою собаку в честь шефа всех советских чекистов Лаврентием. Это отягчающее обстоятельство от правосудия удалось скрыть, а то дали бы больше. Когда чекисты пришли за дядей, Лаврентий злобно ощерился, зарычал и схватил за сапог одного из сталинских чекистов. Дядя с трудом его успокоил:

— Ничего, Лаврентий Павлович, в Сибири тоже можно жить, скоро увидимся. Дядю забрали, а Лаврентий сильно загрустил, стал бросаться на людей в милицейской форме и был из-за этого посажен на цепь, после чего не стал принимать пищу и перестал даже пить. До возвращения своего хозяина верный пёс не дожил.

Но вернемся к нашей доброй целительнице. Однажды после её очередного визита, к нам, запыхавшись, прибежала соседка, тётя Герта. Мама мыла посуду.

— Ты младенца-то перекрестила?

Тётя Герта была родом из другого села и все знали, что она была католичкой. А вот мы, как и большинство наших односельчан, были лютеранами, поэтому мама крестилась редко. Но тётя Герта настаивала:

— Перекрести ребёнка немедленно! Ты что хочешь, чтобы он умер в судорогах от колдовства?

Это «предупреждение» было связано с тем, что в селе болтали, будто бы в одной семье после визита Греты в ужасных судорогах умер ребёнок.

Мама рассердилась.

— Да перестаньте вы, наконец, терзать эту несчастную женщину. Она нам помогает, чем может, а вы вместо благодарности досаждаете ей. Сколько можно? Раздосадованная тётя Герта, не солоно хлебавши, ушла.

Я видел, что после её ухода мама взяла на руки братика-крикуна, ласково прижала его к себе, но не перекрестила...

А ночью случилось ужасное. Младший брат, который спал рядом со мной, ткнул меня кулаком под рёбра.

— Вставай! Чёрт за окном!

— Какой чёрт? Что ты мелешь? Не мешай спать!

Но брат не унимался и зловеще прошипел:

— Да ты посмотри в окно!

Я посмотрел и застыл от ужаса. Над разрисованными морозом узорами оконного стекла в лунном свете четко была видна морда с рогами, зелёными глазами и бородой. Чёрт!

Услышав нашу возню, в комнату вошла мама.

— А вы чего не спите, полуночники?

Два детских пальца с быстротой молнии безмолвно указали маме на окно. Она обернулась и ... засмеялась.

— Ах вы трусишки! Да это же Борька, старый козёл нашего соседа. Вы же посадили Комиссара на цепь, вот он и забрёл к нам во двор...

Шли годы. Я стал студентом и к родителям приезжал только на каникулах. Грета постарела, её некогда рыжие волосы стали почти белыми, на лице появились морщины, только её большие глаза, как и прежде, печально взирали на собеседника. Дети Греты выросли и ушли из дому, а она по-прежнему совершенно бескорыстно помогала людям, не обращая внимания на зловещие слухи о себе. Молва не стихала: у кого-то куры начали нести яйца без скорлупы, у кого-то корова вместо молока стала давать кровь, всё связывали с именем несчастной Греты.

Когда она умерла, её дети отказались жить в её доме. Да и кто захочет жить в домике на окраине села, напротив мостика через речку, на котором, в лунные ночи, как утверждала наша соседка, тётя Герта, частенько беснуются ведьмы?...

Домик Греты сначала стал прибежищем летучих мышей, но со временем развалился. И когда наше село опустело и его заселили чужими людьми, лишь заросший бурьяном небольшой холм возле мостика через речку напоминал о когда-то жившей здесь бескорыстной целительнице Грете. Но пришельцам это имя ничего не говорило...

Роберт Корн